

Леонид САВЕЛЬЕВ

Жребий бросают трижды

Леонид Савельев

Жребий бросают трижды

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Савельев Л.

Жребий бросают трижды / Л. Савельев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Повесть-антиутопия Леонида Савельева «Жребий бросают трижды» дала название новой книге талантливого писателя. Действие заглавной повести происходит в 2031 году, в вымышленной стране, чем-то похожей на Россию. Повесть поделена на три части, жизнь и судьба персонажей в каждой части происходит совершенно по-разному, независимо от желания героев, оставляя интригу до конца. Прочитавший эту книгу уже не сможет ее забыть, она будет вспоминаться снова и снова, заставит читателя крепко задуматься. Сочинения Л. Савельева современны, естественны, динамичны. Везде есть интрига, но часто для каждого читателя своя. Ситуации изначально просты, но в итоге всё поворачивается неожиданной гранью. Автор не навязывает своего мнения о происходящем, позволяя читателю самому расставить акценты.

© Савельев Л.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Жребий бросают трижды	5
Часть первая. Имплантация	5
1. Детектор	5
2. Любовь	7
3. Грибы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Леонид Савельев

Жребий бросают трижды

Жребий бросают трижды

Часть первая. Имплантация

1. Детектор

Я совершенно не подумал об этом. Просто думал о чём угодно, только не о главном. Так со мной бывало не раз. Ещё в студенчестве, когда нужно было сдавать экзамен, я думал только о сексе. Мыслей о сдаваемом предмете просто не было. Не было совсем. В голове был один секс. Так и сейчас, я просто не подумал. Думал только, что нужно быстрее поменять права, чтобы не остаться без машины. Но если мысли о сексе вместо экзамена грозили только «незачёт», то теперь всё было гораздо серьезнее. Я просто успокоился, пройдя три месяца назад медосмотр. Совсем успокоился и пошёл продлевать истекшие водительские права, забыв о детекторе лжи. Я не подготовился! Бежать теперь было бессмысленно. Да и невозможно. На входе охрана, вооружённая охрана, а без пропуска меня не выпустят. Что самое главное – дома же есть таблетка! Таблетка, купленная у проверенных людей, помогала обмануть детектор. Таблетка была тщательно спрятана дома за наличником двери и ожидала следующего ежегодного осмотра. Таблетка импортная! За такую можно сесть на десять лет сразу по двум статьям: покупка импортного товара и дача ложных сведений на детектор лжи. Но сейчас меня ожидал другой расклад. За выявленные знания и мысли, противоречащие стратегии правящей партии и сокрытие фактов мне грозит двадцать лет. Плюс, соответственно, обыск. Найденная таблетка – ещё десятка. Тридцать лет плюс мои пятьдесят семь. Сомневаться не приходилось, на свободу я уже не выйду.

– Виктор Тимофеевич, заполняйте форму. Сейчас пройдёте детектор и в течение пяти минут получите новые права.

– Спасибо девушка. Я детектор на медосмотре проходил, месяц назад, у меня есть медсправка.

– Виктор Тимофеевич! Но вы же понимаете... Причём тут медосмотр. Стандартная, необходимая процедура лояльности.

– Да, да конечно... Конечно.

– Пройдите в двенадцатый кабинет и потом возвращайтесь. Снимем отпечатки пальцев, отсканируем сетчатку глаза и получите права.

Какая вежливая девушка. И ведь мне даже не дадут попрощаться с дочкой и внуком. Валя, Валечка, Тима, Тимочка... Милая Валечка... Милый Тимоша... Семью мне больше не увидеть! Заблокировать мысли могла только таблетка!

– Вам плохо?

– Да, что-то сердце прихватило. Неожиданно. С чего бы вдруг?...

– Но, может быть, пройдёт... Посидите вот рядом... Ой! Виктор Тимофеевич! А где же у вас справка об участии в выборах? В компьютере в базе есть, но справки заверенной избирательной комиссией нет! Где справка у вас?

– Нет... Я, видно, забыл её, наверное, девушка, если в бумагах нет...

– Что же вы так... Ну что же вы так! Взрослый человек и без справки о голосовании! О чём вы думаете...

Девушка ворчала, листая мои бумаги.

– Ну да, скорее всего забыли... Нет её здесь... А права у вас будут недействительны уже через три дня, а на новый приём смогу записать вас только на первое октября... Почти месяц! Сами себя наказали своей забывчивостью, будете без машины!.. Сходите в двенадцатый кабинет, пройдите детектор и первого октября сразу ко мне со справочкой и быстренько права получите.

– Так может я и детектор тогда первого? Что-то сердце... Мне бы дома лекарство выпить...

Конечно это детский лепет но, ВДРУГ?! Девушка взглянула на меня с лёгкой усмешкой.

– А если за рулём у вас ваше сердце?... Ладно, идите. Первого в одиннадцать вам назначаю, жду в октябре... Вот пропуск на выход вам.

Я смотрел на пропуск. Смотрел на дату. Сегодняшнюю дату и время. Вообще я везучий. Но оказывается даже очень, везучий, очень. Много лет назад, когда я был молод, и была совсем другая страна, мне повезло остаться в живых. Мне было тридцать девять лет, когда я попал в аварию, где из десяти человек находящихся в микроавтобусе выжил только я. Тогда изменилась и моя жизнь. И меньше чем за два года она поменялась совсем. После того, как я получил второе рождение, всё начало меняться. Перемены, которые происходят постепенно, незаметны. Что-то изменилось сначала в Асе. Постепенно я начал понимать, что любовь моей жены уходит как песок в перевернутых песчаных часах. Когда уходит любовь – это чувствуется. Сначала уходит, что-то в сексе. Ты понимаешь, что уже ты не тот для любимой, что был раньше. Потом секс становится механическим. Потом исчезает почти вовсе. Но и это ещё не конец любви! Затем следует самое страшное и разрушительное – равнодушие. Тобой перестают интересоваться. Твоя жизнь становится не интересна. На тебя уже нет времени. Есть на всё: на уборку, на готовку, на работу, на сон, на магазины, на маникюр, педикюр, на парикмахера, а на тебя уже нет. Ты выпал из жизненных приоритетов своей любимой. И наступает молчание. Вы разговариваете только по необходимости: «Что купить в магазине?», «Иди есть», «Отвезёшь сегодня дочь?», «Где пульт от телевизора?». Сделать ничего не возможно. Песок пересыпается сверху вниз. И его становится всё меньше. Но, оказывается, у Аси как раз и была настоящая жизнь, когда её не было дома. Когда она была на работе. Жена просто перевернула часы, когда песка оставалось совсем мало. Свои часы... Не мои. Мои упали на землю и разбились, рассыпав весь песок, без шансов, что их можно снова перевернуть. Стекло уже не склеить, песок не собрать – он перемешан с чёрной землёй.

Всё было как обычно. Разговор произошёл в спокойных тонах, на кухне, когда дочь ушла в школу.

– Витя, я ухожу от тебя.

– ...Куда, Ася?

– Точнее, к кому. Я уезжаю. Уезжаю в Италию. Через некоторое время вернусь, заберу Валю. Если ты захочешь, тоже сможешь перебраться в Италию, в этой стране становится опасно. Я помогу тебе в этом... если хочешь, конечно.

– Ася... Ты что такое говоришь, Ася...

– Я полюбила его, Витя. Я не виновата.

– ...Это тот итальянец, к которому ты приставлена переводчиком?

– Да... Но мы купим тут дом и будем жить на две страны, ты будешь часто видеть Валю. Понимаешь, я не виновата. Так получилось. Мне не за что просить у тебя прощения – это жизнь. Ты хороший. Ты красивый. Ты один никогда не останешься.

Остался. Остался, конечно, не один. Остался с Валечкой, ей тогда только исполнилось пятнадцать. Сначала с Валечкой, а теперь и с внуком Тимошкой. Остался не один, но без любви.

мой женщины. Возможно, всё было бы по-другому. Но по-другому не стало. Страна менялась стремительно. И скоро уже нельзя было не только выехать к Асе и её итальянцу ни дочери, ни, тем более, мне. Скоро, совсем скоро пришлось скрывать, что у дочери родственники за границей. Это уже было клеймо. Таких не принимали в институт, и было сложно с работой. Они были «второй сорт». А потом была ИМПЛАНТАЦИЯ. И уже после неё за такое родство грозил тюремный срок.

«5 сентября 2031 года 12 ч. 45 мин.», стояло на пропуске. Пятое сентября. Ровно семнадцать лет назад был этот разговор на кухне с Асей. Годовщина.

– Виктор Тимофеевич! Что же вы сидите?! Я вам время поставила двенадцать сорок пять! Осталось три минуты! Я же в базу уже в компьютере внесла! Вы же не выйдете потом, не выпустят!

– Простите девушка, задумался. Бегу, бегу...

– Вот сидит! У меня же тоже проблемы будут! Выпускаю ведь без прохождения детектора! А если ещё и время перенесу...

Я почти бежал вниз. Сунув пропуск охраннику, который хмуро посмотрев на него, сверил с компьютером и нажал кнопку открытия двери. Электронный замок на тяжёлой железной двери брякнул и я, толкнув дверь вперёд, выскочил на улицу, жадно хватая воздух открытым ртом.

2. Любовь

– Мам. Слушай... Я такую музыку сегодня слышал... Мам... Это просто не знаю как объяснить. Просто класс! Мам! Такой класс! Ты не представляешь, я такого никогда не слышал.

– Да? И где ты, Тим, её слышал?

– В туалете мам, у старшеклассников, мам... Но ты не представляешь, какой это класс! Но пели они не на нашем языке. Представляешь, я ни понимал ни слова. Но это не китайский мам, точно.

– Ууу... Так это наверное запрещённая музыка... иностранная. Её, Тимофей, нельзя слушать. Никак нельзя, ты же знаешь.

– Но как? Откуда у этих иностранцев вообще может быть музыка, да ещё такая, мам?

– Тимош... Тебе лучше не слушать её. Ты же знаешь, будут проблемы.

– Мам, но ведь я буду музыкантом! Если такая музыка существует, её нужно знать.

– Ты же понимаешь, что окончательно всё решается на тестировании по окончании школы. Сейчас просто были предварительные тесты. Может, тебя определят в шахтёры? Помнишь Смоленков у вас в школе был? Всё картины писал, был уверен, что будет художником! Я знаю его маму. Стране не нужно столько художников, он сейчас работает на стройке на кране, стране нужны крановщики. И это почётная работа... Не нам решать где нам работать, сам знаешь. Партия подберёт для тебя работу согласно надобности и твоих способностей.

– Мам, ну какой из меня шахтёр? Что ты, а...

– Я просто не хочу, что бы ты был уверен в том, кем ты станешь. Ты же знаешь, что тут одних способностей мало. Если это не нужно будет стране, то будешь – кем скажут... Не слушай музыку больше... А на детекторе, если попадёшься, не скрывай, скажи все как есть, сам знаешь.

Сын замолчал. Мне было жаль, что мне приходится это ему говорить. Но что будет, если он решит сейчас, что станет композитором, а его направят в дворники? Как он это переживёт? Нужно с детства быть реалистом. Я тоже ведь мечтала быть модельером одежды. И такая профессия даже была! Я успела немного поработать. Но тогда было не так. Тогда можно было самому выбирать, кем ты будешь в жизни. Тогда все носили разную одежду. Даже на работу ходили не в форме, а в одежде. Причём, можно было надевать каждый день разную. Но всё

меняется. Стране не нужно столько одежды. Та одежда, что есть сейчас – её и достаточно. Да и когда её носить? После работы домашние дела. Разве что, в отпуске? К тому же на неё нужны деньги, а их и так почти нет, а тратить из-за семи дней отпуска в году глупо. Сейчас все больше народу даже в отпуске ходит в своей форме, ну, единственно, погоны снимают. Хотя, кто высоких чинов, те и в отпуске с погонами. Вообще – это правильно. Правильно, что у каждой профессии есть своя форма, вернее, цвет. Но форма у всех одинакова, вот этим я не совсем согласна. Я даже напрямую говорю это на детекторе лжи. У нас же демократическое общество и я могу выражать своё мнение. Да, я считаю, что форма должна отличаться! Моё мнение, что различия только по цвету, или разным вставкам, значкам, полоскам не достаточно. Во-первых, профессий слишком много и мало кто может уже понять, кто есть кто. Во-вторых, мужская и женская форма могла бы отличаться, не только юбкой. Обувь! Вот уж обувь могла бы быть разной. Что хорошего в том, что и мужчины и женщины ходят в одинаковых чёрных ботинках? Да и хотя бы по ведомствам можно было бы разделить форму. Но кому моё мнение интересно? Высказалась и всё, вот и вся демократия... Хотя, многие согласны, что форма должна различаться. Но по различию в женской форме кроме юбок только смеются. Но модельер это совсем далёкое прошлое. Я работаю сейчас диспетчером, и раз модельеры стране не нужны, то скорее всего это и правильно. Партии лучше знать, что нужно, а что нет.

– У нас завтра опять субботник, мам.

– Хорошо. Где будете помогать стране?

– Опять от оружейного завода посылают на кладбище... говорят, допоздна, скорее... Там большую шайку вредителей-шпионов разоблачили. Будем рыть большую яму... к воскресенью.

– Их в воскресенье, что ль будут расстреливать?

– Ну да. Ты чего, мам? Сейчас уже давно на воскресниках только и расстреливают...

– А что, теперь ФРС этого не делает?

– Они, мам, только называются «федеральной службой расстрелов», а на самом деле просто в стороне стоят... Расстреливают те, кто с ними работал, для этого воскресники и устраивают, так правильнее же. Хотя, мам... вот если бы я даже знал, что мои, к примеру, Валерка Шепелев или Васька Кондаков шпионы, всё равно бы не смог их расстрелять.

Всё это я знала, просто не хочу говорить с сыном на эти темы. Мне кажется, детям совсем незачем на субботниках рыть общие могилы для расстрелов, ему и его одноклассникам всего по одиннадцать лет. Могли бы их послать, скажем, на уборку территорий. Но не мне это решать, да и осуждать это я тоже не имею права.

– Зато они бы не задумались, сынок...

– Возможно.

– Тимоша... ты понимаешь, тебе придётся привыкнуть к взрослой жизни. Возможно, страна решит, что тебе нужно будет работать там, где много иностранных шпионов. И возможно, тебе тоже придётся когда-то расстрелять того, кто работает рядом с тобой. Жизнь – суровая штука, сынок.

– ... А ты расстреливала сама мам?

– Ну, я – нет. У нас работа такая, где шпионам делать нечего... Мы же не оборонный завод.

– А если вдруг? Будешь расстреливать?

– ...Ты посуду домыл? Молодец. Давай, садись, делай уроки. Если завтра субботник, то уроки нужно приготовить сегодня. Ты ж в воскресенье с дедом на рыбалку собирался.

Сын вздохнул, сел за стол и, включив компьютер, начал учить уроки. Я включила телевизор, направив звук на себя, чтобы не мешать сыну. У нас с ним одна комната. Из двухкомнатной квартиры пришлось съехать, слишком дорого. Телевизор не смотрела. Не слушала. Я думала о любви. Я думала о Денисе. Вопрос сына заставил вспомнить то, что загонялось поглубже. Я прятала эти мысли, прятала так, что детектор лжи не выявлял ошибок в понимании стратегии

нашей партии «Единая страна». Денис был единственным мужчиной в моей жизни, о котором я думала, как о будущем муже. Даже отец Тимофея не был мне так близок.

Мужчины в моей жизни появляются и исчезают. Меня на них не хватает. Меня хватает только на сына, отца, работу и дом. Я люблю свою семью. Я люблю чистоту в своей квартире. У меня просто физически нет времени и сил на мужчину. Мужчине нужно внимание, а этого я не могу дать. Это как ведро с водой. Если ведро полное, то больше не нальёшь. Сын, отец и дом – это и есть моё полное ведро. Я так думала. Но оказалось, что ведро только кажется полным. Оно расширяется кверху, и туда, где казалось, почти нет места, входит очень много воды. И Денис заполнял эту пустоту моего ведра. И постепенно оно наполнилось до краёв. Я даже познакомила его с сыном. Они ладили, им было интересно вместе, хотя они были совсем разные. Потом Дениса не стало. Не стало два года назад. Тимофею я тогда сказала, что страна отправила Дениса на высокий пост в другой город и назначила ему быть одному, чтобы не отвлекаться от работы. Тима даже переживал, я это видела. Но он поверил и был рад, что Денис так нужен нашей стране, нашей партии. Пусть так и будет. Пусть так и думает.

Денис... Его расстреляли. Делать это должна была я, потому что была его замом, а он был моим непосредственным начальником. Направить дуло автомата ему в грудь и нажать на курок должна была я... Но я знала, что не смогу. И знала, что даже сделай я вид, что заболела и не могу прийти на расстрел, на детекторе бы всё выявилось. Я не верила, что он мог быть замешан в шпионаже. По обвинению, выходило, что он помогал своему брату, работавшему в министерстве обороны, переправлять данные за границу. Я не верила. Сначала не верила. Первый раз я не могла поверить в правоту решения расстрельной комиссии. Потом, когда увидела тщательность расследования, показания Дениса и данные детектора лжи, я уже допускала такую мысль. Могло быть и так... Всё могло быть. Человек, каким бы близким он не казался, всегда останется сам в себе. Что бы он ни говорил, что бы ни делал, нам никогда не узнать его настоящего. Он может всю свою жизнь говорить правильные слова, совершать только правильные поступки, но то, что у него внутри – не знает никто. Почти никто. Даже у меня есть тайна, которую приходится скрывать. Даже у меня есть тайна, из-за которой я прихожу в ужас каждый год во время глобальной проверки. Ежеквартальные проверки на детекторе не страшны, там не углубляются в прошлое. Но раз в год мне приходится пить таблетку, которую где-то достаёт отец. Раз в год проходит часовая глобальная проверка. Моя тайна ужасна: мама на самом деле не умерла, а живет в Италии. Живёт ли, вот вопрос? Можно ли вообще выжить в том аду? Что там, на этом богом забытом Западе, творится? Бедная моя мамочка, в этой загранице нищета и войны, по телевизору постоянно показывают горы трупов, которые зарывают в общие могилы. Как она попала в эту дикую страну, я точно не знаю, папа мне ничего не рассказывает. Я только знаю, что раньше Италия не была дикой и мама даже хотела забрать меня к себе. Да, я была бы с мамой, но выжила бы я в том аду, который там сейчас творится? В упадок пришла их экономика, а с ней и мораль рухнула. Это случилось не так, по сути, и давно, ещё когда я была подростком, после прорыва нашей страны в лидеры по экономике, производству и демократии. Нашей стране пришлось полностью изолироваться от Запада, потому как обнищание в их странах привело к деградации населения. И если бы мы не изолировались, то нашу страну сегодня населяли бы одни эмигранты в поисках счастливой и сытой жизни.

Но самая ужасная тайна – это, то, что я знала об ИМПЛАНТАЦИИ. Конечно, она появилась на наше счастье. Теперь, после ИМПЛАНТАЦИИ, наш великий Мудрейший будет править нашей великой страной вечно... Всё это ясно. Всё это правильно, иначе нельзя. Я согласна с жертвами, которые нужно приносить ради такой возможности. Но знать об этом НЕЛЬЗЯ! Никак нельзя. За такие знания расстреливают!

Конечно, детектор может чего-то не увидеть, что-то напутать, даже если человек не пил таблетку... Но это редкий случай. В случае с Денисом он не ошибся, потому как проверку проводили трижды, что большая редкость. По супружеским изменам о разглашении тайны на

детекторе существует запрет. А зря. Прикрываясь демократией, государство просто покрывает измены. Но Денис мне как раз не изменял, я это знала. Я это чувствовала. Но я же не государство. Я не партия «Единая страна». Видимо в человеческую сущность изначально заложена измена. Она человеку необходима, как чувство опасности. Это адреналин. Вот и выходит, что если человек не изменяет супругу, он изменит государству. И кто знает, которая из измен хуже? Но за измену партии грозит наказание, а за измену жене нет. Денису, очевидно, было нужно много адреналина, раз он изменял стране. Или он меня слишком любил, чтобы изменять мне... такое тоже возможно.

Расстреливать Дениса я отказалась, честно рассказав следователям всё о любви и наших с ним отношениях. Было страшно. Сначала было страшно за мою семью. Было страшно, что меня посадят в тюрьму за пособничество. По этой статье это не меньше двадцати лет. Когда я выйду, Тимофею будет почти столько же, сколько мне сейчас, а отца уже может и не быть в живых вовсе. Но после того как меня поняли, простили и даже оставили на работе, просто понизив в должности до обычного диспетчера, я затосковала по Денису. Мне физически не хватало его присутствия, его запаха, его голоса. Была вырвана часть моей жизни. Часть моего счастья. Его расстреляли сами ФРС вместе с братом и его женой, которая тоже оказалась пособником. Детей брата Дениса отправили на Север в государственную сельскохозяйственную школу. Выпускники этой школы заселялись в посёлки рядом с плантациями, где они работали. Там они жили и создавали свои семьи. Это очень гуманно, ведь ещё года три назад их могли содержать в тюрьме до достижения четырнадцати лет, а потом расстрелять.

Я отвернулась от телевизора и смотрела на макушку сына, склонившегося над компьютером. Мне нельзя никого пускать в свою жизнь. У меня есть только он и папа – этим и нужно довольствоваться, это и нужно беречь. Да и вода в моём ведре никуда ни делась, оно так и осталось наполненным до краёв Денисом. Его уже не было, а вода осталась. Я не могу любить другого мужчину, не получится. Да и нельзя мне любить.

3. Грибы

– Привет, Тимофеич! Опята пошли! Ты как смотришь, сходить за грибами?

Когда-то меня раздражали мобильные телефоны. Я считал, что это вторжение в мою личную жизнь. Меня раздражало, что любой может запросто позвонить мне, и, что бы я в этот момент не делал, беспардонно начать со мной говорить. Тогда я с тоской вспоминал, как раньше, когда я был студентом, ещё не было мобильных телефонов. И даже когда я бывал дома, но, к примеру, занят курсовой, я мог не отвечать на звонки, и все думали, что меня просто нет дома. Я мог отвечать на звонки только тогда, когда считал это нужным. Но потом пришли эти сотовые телефоны и всё поменялось. Какой же я был наивный! Я думал, что всё поменялось, и я на привязи. Тогда ещё ровным счётом ничего не поменялось! Кто меня заставлял брать с собой этот телефон, или, на худой конец, снимать трубку? Это было счастливое время! Люди были свободны. Они могли брать или не брать телефон, им ни кто этого не навязывал. Сейчас эти импланты обязательны. Сейчас без них ты не имеешь идентификационного номера, а значит, ты – НИКТО. Сейчас ты знаешь, что связаться с тобой, помимо друзей, коллег и знакомых, может любая госслужба в любое время дня и ночи. Сейчас ты знаешь, что твои координаты и передвижение отслеживаются. Сейчас ты знаешь, что всё, что ты вокруг себя видишь и слышишь, как и твои разговоры, фиксируются, записываются, прослушиваются и просматриваются. Сейчас это не только звук, но и окружающее тебя изображение. Но этот звонок был нужен. Я его ждал. Друг выглядел бодрячком, такой же был и голос.

– Иван Валентиныч! Дорогой! Рад тебя видеть! Куда ж ты пропадал-то так надолго? Я уж соскучился даже!

– Да работа, Тимофеич! Всё скитался по просторам нашей необъятной Родины, во благо её партии и нашего Мудрейшего!

– Дай Бог здоровья Мудрейшему, Валентиныч! Работал значит... Так, что, говоришь, опята пошли?

– Пошли, говорят.

– Я с удовольствием! Завтра? Завтра суббота как раз... Только Валентиныч, я без машины, до октября...

– Что так?... Да не переживай Вить, я же на машине...

С утра тогда заеду. И слушай, давай твою Валю с собой возьмём.

– ...Ты, Валентиныч, вполне здоров? Не приболел, нет?

– Нет, не приболел... Витя, нужно Валю взять, пусть прошвырнётся, воздухом подышит.

Ваню я знаю со студенчества. С того времени и зовём друг – друга по отчеству. Когда-то у нас с ним был общий бизнес. Потом страна изменилась, и бизнес остался только у избранных, только глобальный и в масштабах страны. С переменами страна решила, что я должен преподавать в училище, а Валентиныча назначили в управление закупок при министерстве промышленности. Звонок очень расстроил. Почему он хочет, чтобы с нами была Валечка? Тревожило. Очень тревожило. Я оберегаю всячески свою дочь. Говорить много нельзя. Я и так болтнул в своё время про ИМПЛАНТАЦИЮ, теперь дрожу от страха каждый год и заставляю её пить таблетки. Потом на детекторе, или, как его раньше называли, полиграфе, всё выяснится, и у неё будут проблемы. Валентиныч об этом знал, но, тем не менее, говорит, что ей нужно быть. Значит, что-то серьёзное. Что-то очень серьёзное.

Сразу такое решение не принять. Мне нужно подумать. Занятия кончились, и я сидел в пустой аудитории, проверял работы своих учеников. Государство, конечно, подозревало, что наше поколение думает не так, как преподносит пропаганда. Мы помним. Хотя у многих память стиралась. Ведь не зря проекции телевизоров повсюду, в метро в автобусах, да везде даже в туалетах. На телевизоры власть денег не жалела. Где бы ты не находился везде шли новостные программы, об успехах страны, о силе нашей армии и полном развале остального мира. Скорее, конечно, многое – правда. Скорее, мир после сокрушительной экономической катастрофы с их валютами, со спадом рождаемости и заселением Запада эмигрантами, не выдержал и треснул по всем швам. Скорее, конечно, они отстали технологически от нашей страны. Скорее, конечно там истребляются тысячи людей и идут нескончаемые войны. Скорее это так. Но сомнения в том, что всё настолько плохо, меня не покидали. Я же знал, как всё начиналось. Я знал, как было до ИМПЛАНТАЦИИ.

Я отчётливо помнил, как всё начиналось. Внутри этого времени изменения были незаметны. День за днём, все происходило постепенно. Но это было внутри этого времени, внутри этих событий. Это как сидишь в скоростном поезде, который стремительно несётся по рельсам на север. Ты не чувствуешь движения, спокойно читая под стук колёс. Ты знаешь, что ты перемещаешься, что ты с каждой секундой всё дальше и дальше от точки отправления, но ты этого не чувствуешь. Ты лишь видишь, как незаметно за окном начинает меняться природа, как за бортом становится всё холоднее и холоднее. Мысленно возвращаясь почти на двадцать лет назад, я понимал, как на самом деле стремительно развивались события. Началось всё с того, что мы вернули себе остров, принадлежащий другой стране, и поддержали восстание, произошедшее в этой же стране. Вернее, не поддержали, а совершили это восстание, сказав всему миру, что восстали местные рабочие. Нашей стране объявили санкции, ещё и нефть, на которой держалась тогда вся наша экономика, начала дешеветь. Кризис наступал неминуемо – это понимали все, кто, хоть немного задумывался. Тогда ещё можно было просто не включать телевизор. Просто не включать и не смотреть. Тогда – это сейчас кажется невероятным – можно было читать в интернете иные точки зрения на происходящее, чем транслировало государство. Тогда, зная иностранный язык, можно было спокойно читать западную прессу

и смотреть западные новости. Интернет был всемирным, это была сеть не только по нашей стране. Тогда можно было даже выехать за рубеж! Просто купить билет на самолёт, получить визу и спокойно выехать, куда тебе захочется. В любую точку мира! Просто сел в самолёт и вылетел... Фантастика! Затем обрушилась наша валюта, и уже это сделало большинство из нас не выездными. Просто уже не было денег для выезда, для отдыха за рубежом. Постепенно под шум народа о подорожании продуктов, начали отнимать у собственников торговые сети. Народ был рад отъёму собственности, потому, что государство ввело фиксированные цены на многие продукты. Когда эти продукты стало невыгодно продавать, они исчезли с прилавков. За этим последовало обвинение производителей и отъём у них производств и ферм. Продукты в то время людей интересовали гораздо больше, чем запрет на ввоз импортной техники и оборудования, поэтому на этот запрет сначала не обратили внимания. Хотя запрет на всякую другую валюту кроме отечественной, заметили. Заметили, потому что имеющиеся у людей деньги фактически отбирали, возмещая её нашими деньгами по выдуманному копеечному курсу. Робкие возмущения жестоко подавлялись. Поскольку одновременно был закрыт выход в мировой интернет, а в прессе и телевидении ничего о восстаниях не говорилось, то и эта волна протестов быстро сошла на «нет». Уже тогда я сильно сомневался, видя как отличается настоящая жизнь от той радужной картинки, которую показывали по телевизору. Потом наступило затишье, а по-настоящему новая жизнь настала после ИМПЛАНТАЦИИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.